

Алексей Ганин «Я ПЕСНЕЙ ТКАЛ СУДЬБУ МИРОВ»

* * *

Спустился Ангел смуглолицый
от семицветных райских врат
в долины мук к лесной божнице
о чем-то тайном погадать.

В дали тоскующую просинь
окутал бархатом полы
и разбросал по сучьям сосен
охапки предвечерней мглы.

Пожаром золотым расправил
шесть крыл на даль закатных стран,
озерным вздохом закудрявил
на пожнях розовый туман.

Заворожил по плесу речки
молочных чаек синий крик,
горящий воск незримой свечки
накапал на небесный лик.

Пошел по сизым косограм,
занес в избенки райский сказ
и не заметил в тихом горе,
как золотой пожар угас.

И, васильковый сон сплетая
по морю задремавшей ржи,
хотел умчаться снова к раю
и умер на цветах межи.

ПРИМЕЧАНИЕ. Опубликовано без разбивки на строфы: Конница бурь: 2-й сб. имажинистов. – М., 1920. «От семицветных райских врат» – с радуги. «Шесть крыл» – атрибут серафимов, духов первого чина небесной иерархии, наиболее близких к Богу. «Долины мук» – земная юдоль, место пребывания людей после изгнания из рая.

* * *

Отгони свои думы лукавые,
полуденного беса молву;
что-то светятся тучки кудрявые,
что-то тени ложатся в траву.

Тает в воздухе поступь неверная,
не кукует горюша в лесу,
на стволах позолота вечерняя,
и ясней на туманном мысу.

Небеса опоясались зорями,
промелькнул белоснежный наряд.
Погляди, вон опять над сугорами
наш Учитель и ласковый Брат.

Море свеч в небесах засветилося,
сходят сонмы крылатых гостей,
и на скорби с небесного клироса
льется пенье бесплотных детей.

Близок свет. Перед радостной встречею
причащаются травы росой.
Поклонись и мольбой человечьею
не смуги голубиный покой.

ПРИМЕЧАНИЕ. «Полуденный бес» – здесь: суетные дневные заботы, противопоставленные чувству причастности человека к неземному миру, которое особенно остро переживается в вечерние часы (мотив, характерный для романтизма; см. напр, в элегии В. А. Жуковского «Невыразимое»: «величественный час / Вечернего земли преображенья – / Когда душа смятенная полна / Пророчеством великого виденья / И в беспредельное унесена»); возможна также связь «полуденного беса» у Ганина с персонажем народной демонологии, полевым духом, воплощением солнечного удара. «Учитель и ласковый Брат» – Иисус Христос. «Сонмы крылатых гостей» – сонмы ангелов, пенье бесплотных детей – пенье ангелов; по народным представлениям, души непричастных греху умерших детей возносятся на небо и становятся ангелами.

* * *

Где в лесные купели-затоны
расплеснулась лесная река,
четки, вещи кукушкины звоны,
колокольная ель высока.

Гребень Солнышка выпал на травы,
нижет жемчуг под елями тень,
заплелись тростники и купавы
в золоченый, зеленый плетень.

Никнут в неге кудрявые лозы,
черным струям дарят поцелуй,
резвый пляс бирюзовки-стрекозы
завели над прохладною струй.

Сонно грезят лопух и кувшинка,
синий зной ароматен и пьян,
а в лучистых изломах – песчинки,
будто горсть золотистых семян.

По кустам и заросшим завалам
птичьи песни прядет тишина,
и зарю шиповники ало
расцветают, как встарь купина.

Звонко булькают скрытницы-рыбки,
убегая к корнистому дну,
и плывут водяные улыбки
гибким кругом лучистому дню.

Веще льются кукушкины звоны,
дремлет солнце, припав в тростники,
на лесные купели-затоны
кто-то сыплет с небес васильки.

ПРИМЕЧАНИЕ. Опубликовано с разночтениями под названием
«Лесные купели»: Гайин А. «Былинное поле». – М., 1924.

Гонимый совестью незримой
за чью-то скорбь и тайный грех,
к тебе пришел я, край родимый,
чтоб полюбить, прощая, всех.

В твоих полях, в твоём покое,
в шелковых мхах твоих ланит
от зла и каменного воя
я думал сердце схоронить.

Я думал бред души неверной
стряхнуть в безвременной поре
и за лесной твоей вечерней
молиться радостной заре,

украдкой выгоревать стоны
под синью звездного шатра
и расплеснуться красным звоном
в твои певучие ветра.

Но кто-то дико заглумился
над сном и сказкой вековой,
и новым перстнем обручился
я с той же скорбью полевой.

Опять над Русью тяготеет
усобиц княжичий недуг,
опять татарской былью веет
от расписных узорных дуг.

И мнится: где-то за горами
в глуби степей, как и тогда,
под золочеными шатрами
пирует ханская орда.

Опять по Волге, буйно-красен,
обнявшись с пленною княжной,
в узорных челнах Стенька Разин
гуляет с вольной голытьбой.

И широко по скатам пашен
разнесшись в кличе боевом,
и днем и ночью грозно пляшут
огонь и смерть в краю родном.

А по лесам, где пряжи ночи
сплетали звездной пряжей сны,
сверкают пламенные очи
и бич глухого сатаны.

Умолкли песни голубые,
и с травяной твоей спины
сорвали ризы парчевые
твои неверные сыны.

И ты исстеганные руки
возносишь к правде неземной,
и злей смеется крестной муке
и добрый друг, и недруг злой.

Неотвратимо роковое
в тебе гнетет твоих сынов,
но чует сердце огневое:
ты станешь сказкой для веков.

ПРИМЕЧАНИЕ. Опубликовано с некоторыми разночтениями под названием «России»: Кооперация Севера (Вологда). – 1922. – № 15. (Разночтения. 20-я строка: «Он с той же скорбью полевой»; 35-я строка: «И днем и ночью грозно пляшет; десятой строфы нет; последняя строфа читается так: «Неодолимо роковое / В тебе гнетет твоих сынов, / Но чует сердце огневое: / Ты станешь песней для веков».)

Я прихожу к тебе мечтать
о забытой моей отчизне
и сон предвечной тайной жизни
в тиши вечерней воскрешать.

Я в вихрях солнечных летал
золотокрылой вещей птицей,
в моих глазах цвели зарницы,
и был полет мой ярко-ал.

Я песней ткал судьбу миров,
вещал кончины и начала,
и песнь моя миры качала
на золотых волнах веков.

Горящий звездный хоровод
носил на крыльях по вселенной,
и все, что сумрачно и тленно,
сжигал мой златоклювый рот.

Дрожала голубая мгла
от взмахов огнепальных крылий,
и рощей лунных чарных лилий
в бреду гадальческом цвела.

Но вдруг я сам в себе сгорел
и принял образ человечесий,
и золотым дождем далече
наряд перистый улетел.

А крылья огненным смерчем
взвились среди звездных хороводов,
мой клюв в пожар мирских восходов
вонзился золотым лучом.

И я, угасший, в новом сне
упал в покой земных селений,
и вот, в тоске моих томлений,
с тобой мечтаю в тишине.

ПРИМЕЧАНИЕ. «Мечтать о забытой моей отчизне» – согласно учению древнегреческого философа Платона, человеческое познание является воспоминанием души о запредельном мире, в котором она находилась до того, как попала на землю и соединилась с телом. «От взмахов огнепальных крылий» – от взмахов огненных крыльев. «Но вдруг я сам в себе сгорел и принял образ человеческий» – поэтическая разработка образа птицы Феникс, восходящего к греческой мифологии; считалось, что эта птица имеет огненно-красное оперение, живет несколько сотен лет и, почувствовав приближение кончины, сжигает себя, после чего вновь возрождается из пепла.

1
Братья, плотнее смыкайте ряды!
Нам ли бояться холодной могилы?
Близятся вражьи несметные силы,
Братья, плотнее смыкайте ряды!

2
Красную родину черным кольцом
Обвил, беснуясь, змей стальнорылый
Спящим трубите в громовые трубы:
Родина сдавлена черным кольцом.

3
Много отрублено зверю голов,
В битве великой с чудовищем рьяным
Много легло звездоносцев багряных,
Много осталось у зверя голов.

4
Вон они, жадные, лезут вперед,
Ноздри их пышутся хаосом древним,
Пасти их жрут города и деревни –
Вон они, жадные, лезут вперед.

5
Густо пылают пожары в глазах.
Синее небо запачкано дымом.
Нам ли проститься с свободой любимой,
Зависть ли сгинет в змеиных глазах?

6
Ярко развеялось знамя зари.
Выше вздымайте над пашнями солнце,
Молотом рушьте железные кольца!
В небе развеялось знамя зари.

7
Братние трупы безмолвно зовут
В битве последней смелее сразиться.
Зверя стереть или с небом проститься
Братние трупы безмолвно зовут.

8
Гнись расползлася по красной земле,
Носятся вороны, чужа добычу.
Слышите, в поле тревожные кличи:
Гнись расползлася по красной земле.

9
Встанем же грозно, как вихри, в ряды.
Трижды убитые – в славе воскреснут,
Дни их прольются над вечностью песней.
Братья, плотнее смыкайте ряды!

ПРИМЕЧАНИЕ. Опубликовано без разбивки на строфы с разночтениями в последнем четверостишии: Искусство фронту. – 1920. – 6 декабря. (Разночтения: «Встанем же грозно, как волны, в ряды. / Правнукам ветра и огненной силы / Нам ли бояться холодной могилы. / Бурями встанем на вражьи ряды».)